

*ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ***ЯВЛЯЛОСЬ ЛИ БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ
БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
АЛЬТЕРНАТИВОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?**

Юрий Николаевич ЦИПКИН,
доктор исторических наук, профес-
сор Хабаровского государственного
педагогического университета

Важнейшим инструментом гносеологии в исторических исследованиях является теория альтернатив общественно-политического развития общества на определённом историческом этапе, однако последняя из плоскости обогащения исторического познания стала перемещаться в плоскость аксиологии, где развернулись острые дискуссии по идеологическим вопросам. Среди них — споры о возможности победы того или иного крыла антибольшевистских сил в годы гражданской войны в России.

Выступая в октябре 2002 г. на научно-практической конференции, посвящённой 80-летию окончания гражданской войны на Дальнем Востоке России, профессор Н.А. Шиндялов заявил, что создание переходных органов власти в 1918 г. могло предотвратить развитие гражданской войны и лишило бы Антанту повода начать интервенцию в этом регионе. Речь шла о том, что земство и Советы, равно претендовавшие на всю полноту власти в Амурской области, могли прийти к компромиссу и создать так называемый Народный совет, где бы вместе работали земство, городская управа, казаки, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Таким образом, коалиционный орган власти якобы мог спасти регион от интервенции¹. Думается, что это — ложная альтернатива.

Проект Народного совета — иллюзия, ибо никакая коалиция между силами, которые предположительно могли быть представлены в этом органе, невозможна. Слишком глубоки были противоречия между правыми социалистами, которые главенствовали в земстве, и большевиками (и левыми эсерами) в Советах. Тем более, что в начале января 1918 г. Всероссийское учредительное собрание, в котором большинство имели правые эсеры, уже было распущено большевиками. Кроме того, правые меньшевики и эсеры стояли за продолжение войны «до победного конца», а большевики, несмотря на дискуссии в своей среде, — за заключение столь необходимого для России Брестского мира. Существовали разногласия по аграрному и другим вопросам. Но самым острым противоречием между большевиками и правыми социалистами был вопрос о властных полномочиях земств и Советов. Правые социалисты выступали за господство земств и городских дум, считая их единственными

и полномочными органами власти. Советам же отводилась роль идеологических и профессиональных организаций рабочих и крестьян. Эсеры даже соглашались считать Советы военными органами защиты революции. Каждая социалистическая партия придерживалась собственной теоретической модели будущего устройства России и дальневосточного региона. Нельзя забывать и о том, что так называемый «гамовский мятеж» в марте 1918 г. подавили фронтовики, которые поддержали Брестский мир, как и большинство населения страны.

Известно, что в начале 1918 г. на Дальнем Востоке существовала демократическая коалиция земств и Советов. В январе 1918 г. в состав Краевого комитета советов, кроме восьми большевиков и четырех левых эсеров, вошли ещё пять представителей Приморского земства. Дальневосточный краевой комитет советов принял решение о том, что он должен именоваться «Дальневосточным краевым комитетом Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и самоуправлений»². Органы советской власти наделили малоземельных крестьян и казаков землёй, причём не за счёт зажиточных односельчан, а из государственного земельного фонда. Был введён 8-часовой рабочий день, повышена зарплата рабочим и служащим, на предприятиях создан рабочий контроль, вызвавший ожесточённое сопротивление предпринимателей. Были сформированы части Красной Армии и Красной гвардии. Дальневосточные советы сделали первые шаги по защите рыбных, пушных и горных богатств региона от расхищения иностранными фирмами.

Из-за острых разногласий с земствами, а по сути с правыми социалистами коалиция с ними была разорвана в апреле 1918 г. и Дальневосточный краевой комитет советов принял название «Дальсовнарком». Конечно, следует учитывать и то, что важную роль в этом сыграли центральные партийные и советские органы, которые потребовали от дальневосточных большевиков и Советов ликвидировать союз с частью местного земства.

Реальный ход событий в ряде районов страны показал невозможность компромиссов между большевиками и правыми социалистами в вопросе о власти. 8 июня 1918 г. после мятежа чехословацкого корпуса эсеры сформировали в Самаре так называемый Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Этот орган соединял в себе функции законодательной, исполнительной, судебной и военной власти, действовал от имени Учредительного собрания и должен был подготовить его созыв. Все министры Комуча были эсерами, за исключением беспартийных Галкина и Краснова, а также меньшевика Майского³. Самарский Комуч декларировал «восстановление демократических свобод», формально установил 8-часовой рабочий день, разрешил созыв рабочих конференций и крестьянских съездов, деятельность фабзавкомов и профсоюзов. 30 августа 1918 г. в Самаре был создан Совет рабочих депутатов, правда, имевший крайне ограниченные полномочия. В то же время Комуч отменил декреты советской власти, возвратил фабрики, заводы и банки бывшим владельцам, объявил свободу частной торговли, восстановил земства и городские думы, признавал необходимость уравнительного распределения земли.

Местное государственное управление при Комуче осуществляли губернские и уездные уполномоченные. Согласно приказу Комуча ближайшей задачей губернского уполномоченного было принятие экстренных мер по восстановлению деятельности губернских учреждений и должностных лиц в тех формах, в каких они функционировали при Временном правительстве. Таким образом, равноправного союза между земствами и Сове-

тами не получилось. Аналогичные доказательства можно почерпнуть, анализируя политику эсеро-меньшевистских Временного правительства автономной Сибири (ВПАС) Лаврова-Дербера во Владивостоке и Временного правительства Амурской области Алексеевского в Благовещенске.

Что же касается оглядки на Антанту, то мотив для вмешательства во внутренние дела России был дан самой Октябрьской революцией. Расширение и затягивание гражданской войны в нашей стране прямо связано с интервенцией иностранных держав, которые ставили своей целью ликвидировать большевизм, оказать помощь «сильным личностям» из антибольшевистского лагеря, добиться возвращения старых долгов России и национализированной собственности. Для союзников России в первой мировой войне необходимо было вернуть её солдат на поля битв. Важная часть их планов — дезинтеграция нашей страны и расчленение России на ряд небольших государств и превращение их в объект международной политики. Англия и Франция планировали вмешательство во внутренние дела России с ноября 1917 г. Несмотря на разногласия между державами, позже к этим планам, особенно в отношении Сибири и Дальнего Востока, присоединились США и Япония. С реализацией иностранных геополитических проектов Россия теряла статус великой державы, переставала быть одним из центров международной политики со своими национальными интересами.

Нет единства среди историков и по вопросу о господстве в Белом движении того или иного крыла. Профессор Б.И. Мухачёв считает, что это движение являлось носителем буржуазно-демократической альтернативы развития исторического процесса в России, а не реставрации помещичье-монархической власти, как утверждала советская историография. Он подчёркивает, что реальность подтвердила историческую правоту Белого движения. Россия была страной с незавершённым формационным развитием, а это движение стремилось завершить этот процесс⁴. В 1-й кн. 3-го тома «Истории Дальнего Востока России (Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны». Владивосток, 2003) утверждается, что Белое движение «...являлось носителем реальной альтернативы развития исторического процесса в России — в данном случае — в буржуазно-демократическом направлении». Указывается и на то, что исследование этой проблемы характеризовалось многообразием точек зрения: от идеализации этого феномена до скептического к нему отношения. В книге проводится идея историков, пытающихся доказать, что монархической программы не было ни в одной из ветвей Белого движения, за исключением приморского, да и то лишь в последние месяцы её существования 1922 г.⁵

Хотелось бы отметить, что ученые, исповедующие подобное мнение, игнорируют другую альтернативу развития России в указанный период — эсеро-меньшевистскую. Кроме того, сторонники этой точки зрения как бы забывают о концепции непредрешения Белого движения, наличии в нём скрытого, но очень сильного монархического крыла (от конституционного до самодержавного), особенно на юге России, политической практике белых режимов. Что самое интересное, они сами же на убедительных и ярких фактах доказывают закономерность поражения белой контрреволюции.

Но в таком случае Октябрьская революция и победа советской власти в годы гражданской войны также подтвердили историческую правоту большевиков на определённом историческом этапе, поскольку в то время взяли верх носители социалистического типа модернизации России.

Как известно, Белое движение представляло собой широкий спектр разнородных политических и военных сил: от сторонников реставрации самодержавия до приверженцев буржуазно-демократической республики или казачьей автономии. Платформой для их консолидации было неприятие большевиков и борьба против советской власти. В силу разнородности Белого движения его социальная база была весьма неустойчивой и подвижной, а его ядро составляли добровольцы белой армии, верхушка торгово-промышленных кругов, зажиточное крестьянство, активные кадеты, а также эсеры и меньшевики, перешедшие в правый лагерь. Вместе с тем некоторые социальные слои примыкали к Белому движению в силу логики развития событий, резкой поляризации политических сил в стране. Это относится к части ижевских и воткинских рабочих, поначалу выступивших против советской власти под эсеровскими красными знамёнами, но затем перешедшим в колчаковскую армию, средним крестьянам и казакам, восставшим против хлебных реквизиций большевиков, в этом движении вынужденно участвовали мобилизованные солдаты и офицеры.

Главные его цели — это верность «историческим началам» России, восстановление «единой и неделимой» страны (империя или унитарное государство с ограниченной автономией для национальных окраин), борьба против большевизма, приоритет так называемых «общенациональных задач» над «узкопартийными интересами» (мнимая беспартийность и прикрытие своих корыстных интересов общенациональными и общечеловеческими были характерными чертами белогвардейцев). Однако Белое движение не было единым, его идеологи раскололись на «монархистов» (И.А. Ильин, В.В. Шульгин, Н.Н. Алексеев, С.А. Шидловский и др.) и «либералов» (П.Н. Милюков, П.Н. Новгородцев, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, Н.В. Устрялов и др.). И.А. Ильин, в частности, ожидал от Колчака и Деникина реставрации самодержавия. Монархия, по его представлению, должна быть православной и «народной», впитавшей многовековые традиции России. Для возрождения монархии, по его мнению, нужен переходный период, когда должна быть установлена военная диктатура во главе с национальным «белым вождём», беспартийным, христианином и патриотом. Для И.А. Ильина белая идея была тесно связана с расцветом религиозности и «борьбой с сатанинским началом большевизма». Он также считал, что русский народ «должен возродить в себе своё древнее умение иметь Царя»⁶.

Для либералов будущая Россия мыслилась как демократическое государство в лучших западноевропейских образцах — нечто среднее между вестминстерской моделью парламентской монархии (по типу английской) и французской моделью президентско-парламентской демократии⁷. Именно это составляло политический смысл либеральной модернизации России в начале XX в.

Расцвет государства идеологи Белого движения на словах связывали с победой над большевиками и Германией, религиозно-нравственным возрождением страны, её культуры и межнациональным примирением. Что касается монархистов, то они постоянно колебались. Представители же наиболее правого крыла этого течения продолжали оставаться сторонниками самодержавной монархии, реакционерами и антисемитами, но вынуждены были в годы гражданской войны маскировать свои взгляды, поскольку среди народа и западных союзников идея реставрации царизма не пользовалась популярностью и связывалась с помещиком, жандармом, чиновничьим произволом.

Известно также, что значительная часть офицеров белой армии по своим политическим взглядам были монархистами (в том числе В.О Каппель, Г.А. Вержбицкий, В.М. Молчанов, Ф.А. Пучков и др.). Это подтверждается и мемуарами В.М. Молчанова, П. Доценко и работами отечественных учёных⁸. В то же время историограф Т.А. Немчинова указывает, что в исторической литературе нет единого мнения о политических симпатиях белого офицерства⁹. Это тем более трудно сделать, поскольку многие представители Белого движения за годы гражданской войны неоднократно меняли свои лозунги. Так, в частности атаман Г.М. Семёнов в зависимости от политической обстановки метался в своих декларациях от Учредительного собрания к монархии, от «единой и неделимой» к сепаратному прояпонскому Монгольскому государству и наоборот¹⁰.

Следует, однако, согласиться с тем, что особенно сильными позиции монархистов были в окружении А.И. Деникина. Это и понятно, поскольку в центральной и южной части Европейской России до Октября 1917 г. существовало помещичье землевладение как экономическая основа монархии. Монархист граф В.А. Бобринский прямо угрожал расправиться с кадетами после победы над большевиками. Диктатура главкома вооруженных сил Юга России (ВСЮР) А.И. Деникина дала основание народу называть его «царём Антоном»¹¹, а между тем он считался среди генералов и офицеров «умеренным»*. Монархически настроенное офицерство выразило крайне отрицательное отношение к эсерам и меньшевикам, к Уфимской директории и Учредительному собранию. В докладе А.И. Деникину бывший гвардейский офицер Энгельгардт писал с Восточного фронта, что убеждённые монархисты не будут восставать против советской власти потому, что народ «...ещё недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем большевики... мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся»¹².

Руководители Добровольческой армии, которая была ядром ВСЮР, отвергли идеи парламентской демократии (так называемого Верховного Совета из членов всех четырёх дум), с которыми выступал бывший председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. Как «демократическая жвачка» была отброшена и идея создания директории. А.И. Деникин и его окружение твёрдо стояли на позициях единоличной военной диктатуры. Значительная часть либералов склонялась в сторону конституционной монархии. Поначалу в окружении одного из организаторов Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева обсуждались кандидатуры Николая II, великого князя Николая Николаевича, одного из греческих принцев и др. Идею же Учредительного собрания князь Г. Трубецкой назвал «поблекшей побрякушкой»¹³. В своих воспоминаниях А.И. Деникин говорил и о крайне правых кругах, которые ополчились на генералов М.В. Алексеева, И.П. Романовского, руководителя подпольной организации «Азбука», действовавшей в тылу красных, В.В. Шульгина и др. Среди «крайних» были «рыцарь монархии» граф Келлер, герцог Лейхтенбергский и его окружение и др. Киевские правые монархические группировки обвиняли Добровольческую армию

* Белый офицер Э. Гиацинтов называл А.И. Деникина представителем нашей «либеральной розовой интеллигенции» и будучи в эмиграции подчеркивал, что необходимо было выбросить монархическое знамя, поскольку крестьяне бы поверили обещаниям царя дать землю в личное владение, а генералам не верили. Аналогичную мысль высказывал в своих мемуарах известный уральский финансист В.П. Аничков.

в «социалистичности», связях с Авксентьевым, Черновым и Керенским. Даже «просто правый» граф А. Бобринский говорил, что боится не левых, а крайне правых, которые, ещё не победив, «...проявляют столько изуверской злобы и нетерпимости, что становится жутко и страшно...»¹⁴. У А.И. Деникина из 45 тыс. офицеров не менее 80% стали сторонниками монархии, поскольку среди них находилось значительное число помещиков и связанных с данным типом хозяйства людей. Численность же офицеров в Сибири не превышала 23—25 тыс. чел. Из них 6 тыс. получили офицерские звания в 1918—1922 гг. Среди офицеров и генералов были замаскированные сторонники самодержавной монархии (М.К. Дитерихс и Р.Ф. Унгерн), приверженцы Учредительного собрания или Земского собора с довольно неясной политической ориентацией (А.Н. Пепеляев), казаки сепаратисты (Г.М. Семёнов и И.П. Калмыков) и откровенно проэсеровски настроенные офицеры и генералы в лице В.Г. Болдырева, командиров ижевских и воткинских частей¹⁵. В Добровольческой армии и режим Колчака считался левым и чуть ли не «розовым».

Действительно, А.В. Колчак и его администрация публично заявили о невозможности реставрации самодержавной монархии, а день годовщины Февральской революции в 1919 г. объявили нерабочим, вывесили национальные флаги. В то же время финансовые круги Урала и Сибири в 1918 г. мечтали о создании в России конституционной монархии во главе с великим князем Михаилом Александровичем. После прихода Колчака к власти в этих кругах стали муссироваться слухи о провозглашении императором самого верховного правителя или великого князя Дмитрия Павловича, если бы его провёл на престол адмирал, пользовавшийся поддержкой Деникина¹⁶.

Отношение к этому крестьян было ещё более определённым. Красные партизаны вспоминали, что их реакцией на приход к власти Колчака стало опасение, что «бывший царский адмирал хочет вернуть царя и реставрировать монархию в России»¹⁷.

И в Сибири имели место интриги самодержавников. В конце 1918 г. премьер П.В. Вологодский получил информацию о том, что правые офицерские круги, недоброльные «мягкостью» Колчака к левым силам, готовили антиколчаковский переворот¹⁸. Эту группу якобы возглавлял генерал П.П. Иванов-Ринов*. По другим данным заговор созрел в Осведомительном отделе штаба Колчака и редакции газеты «Русская армия». Во главе стояли полковник Франк и его супруга. Будущим монархом должен был стать князь Кропоткин из «чистокровных» Рюриковичей. Участники заговора предполагали в случае успеха отдать Японии Северный Сахалин, Камчатку, сдать КВЖД в аренду, а также многие предприятия Сибири и Дальнего Востока по концессионному договору. Речь шла о смене на Земском соборе династии Романовых на династию «истинных Рюриковичей». После раскрытия заговора Кропоткин был выслан в Харбин и «всплыл» только после белого переворота во Владивостоке в мае 1921 г. Старую редакцию «Русской армии» распустили, ей на смену пришла новая¹⁹.

В апреле 1919 г. в Омск под фамилией Курбатов прибыл бывший петроградский предприниматель, а затем адъютант генерала Л.Г. Корнило-

* А. Будберг также намекал на антиколчаковскую интригу, называя атамана Сибирского казачьего войска П.П. Иванова-Ринова «держимордой аракеевского типа». К заговорщикам он также относил атамана А.И. Дутова и чешского генерала Р. Гайду (см. дневник Будберга).

ва В. Завойко*. В вагоне английского генконсула состоялась его встреча с представителем Сибирской казачьей конференции на предмет нового переворота, но казаки отказались выступить против адмирала²⁰.

Как известно, в вопросах будущего политического устройства России лидеры Белого движения провозгласили лозунг «непредрешения». Он означал, что созыв нового Учредительного собрания или Земского собора будет осуществлен только после разгрома большевиков. И лишь тогда решится вопрос о политическом и социально-экономическом строе страны. Вместе с тем следует отметить характерную деталь. Несмотря на наличие в белой армии монархически настроенных офицеров, ни один лидер Белого движения, кроме барона Р.Ф. Унгерна (в 1920—1921 гг.) и М.К. Дитерихса на Дальнем Востоке (в 1922 г.), не поднял знамя монархии, понимая всю его непопулярность. Тем не менее лозунг «непредрешения» усиливал подозрения в монархических реставрационных тенденциях Белого движения. По этому поводу один из лидеров кадетов П.Н. Милюков писал, что «...умолчание о форме правления есть тоже вид политики, обыкновенно прикрывающий готовое антидемократическое решение, в котором неудобно сознаться публично»²¹. Но данный лозунг не объединил и само Белое движение. Многие офицеры-монархисты боялись возрождения эсеро-меньшевистских режимов, а многие, как уже говорилось, не жаловали даже кадетов.

Сам же ЦК кадетской партии, считавший себя «центром», неоднократно менял свои взгляды, колеблясь между конституционным монархизмом и парламентским республиканизмом²², однако сущностью власти в переходный период, по мнению кадетов, должна быть единоличная военная диктатура²³. Следует помнить, что особенностью развития капитализма в России было установление тесных связей буржуазии с правительственным аппаратом и верхушкой вооружённых сил. Критикуя самодержавный режим, либеральная буржуазия в то же время тесно сотрудничала с ним в поисках защиты от революции. Симпатии к монархии высказывали П.Б. Струве²⁴ и другие представители «либеральной общественности»**.

Если в Сибири Колчак пытался проводить в аграрном вопросе столыпинскую программу с теми или иными изменениями, вызванными революциями 1917 г. (все земли, захваченные крестьянами у старых владельцев, объявлялись арендованными), то Деникин действовал в другой обстановке. По совету кадетов он принял программу отчуждения части помещичьих земель в пользу крестьян за выкуп. Реформа рассчитанная на 7 лет, провалилась почти сразу, когда стало ясно, что крестьянам достанется только 30% помещичьих земель²⁵. Была, однако, ещё одна сложность. М.В. Родзянко предостерегал А.И. Деникина, что Колчак,

* Представитель Великобритании в России Дж. Бьюкенен в своих мемуарах подчеркивал, что В. Завойко был одним из организаторов корниловского заговора в 1917 г., и ему даже предназначался пост министра финансов. А.И. Деникин вспоминал, что В. Завойко занимался интригами против Колчака и был выслан. Он временно уехал в Нью-Йорк и оттуда рассылал «обличительные письма» и памфлеты, в которых обвинял Колчака и Деникина в неверной военной стратегии, взаимных интригах, в результате чего Москва так и не была взята. Позже он служил у атамана Семенова (См. Деникин А.И. Поход на Москву. Киев, 1990. С. 25—26; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 284, 287).

** Бывший главнокомандующий войсками Уфимской Директории генерал В.Г. Болдырев вспоминал в своем «Дневнике», как во время торжественного обеда в честь французских офицеров 13 ноября 1918 г. (т.е. за пять дней до колчаковского переворота в Омске) после исполнения гимна Франции «Марсельеза» по требованию большинства русских офицеров оркестр заиграл «Боже, царя храни!». Несмотря на вмешательство ряда генералов, прекратить этот скандал не удалось. Тогда генерал М.А. Матковский и французские офицеры покинули гарнизонное собрание.

Юденич и он (Деникин) могут разрешить вопросы земельной реформы «на различных основаниях», и тогда страна будет заведена в такой тупик, из которого её не выведет никакое Учредительное собрание²⁶. Аграрная политика белых на юге никого не удовлетворяла. Самовольные засеивщики, ставшие арендаторами, не хотели платить владельцам земли ни «третий сноп», ни «пятый»²⁷. Эсеры протестовали против реставрации помещичьего землевладения и требовали «чёрного передела», правые грозили, что «в придачу Махно мы получим Дубровских»²⁸. Всю противоречивость деникинской аграрной программы* отразили дискуссии членов Всероссийского национального центра в Екатеринодаре²⁹, однако никто из лидеров Белого движения и крупных земельных собственников не захотел проявить дальновидность и поступиться частью собственности.

С большей уверенностью можно утверждать, что носителями буржуазно-демократической альтернативы развития России в указанный период являлись правые социалисты, а не Белое движение. Будучи формально-последовательными марксистами именно они стояли на позициях незавершённости формационного развития нашей страны и её «неготовности к социализму»³⁰. Формирование и крах правосоциалистических правительств, становление белых режимов, расстрелы не только большевиков, но и меньшевиков и эсеров, а особенно интервенция вызвали колебания правых социалистов и рождение тактики «третьей силы». За свою «срединную» позицию эсеры и меньшевики подвергались критике и преследованиям как большевиков, так и белогвардейцев.

Как справедливо отмечал академик Ю.А. Поляков, эсеры и меньшевики стремились избежать крайностей, найти выход из кризиса на путях демократических реформ, но амортизатор в лице мелкобуржуазной демократии не сработал как не смог бы сработать вообще. Порочной оказалась политика «третьего пути» эсеров и меньшевиков в условиях резкой поляризации противостоявших лагерей. Правые социалисты не устраивали ни большевиков, ни сторонников открытой контрреволюции³¹. На первый взгляд, программа правых социалистов в начале XX в. была наиболее приемлемой для России, но они не учли глубину общенационального кризиса 1917 г. Слишком тяжелы были страдания народа, его нищета, слабость, а быть может, и полное отсутствие так называемых «средних слоёв», чтобы не вылиться в политический раскол в российском обществе, взаимную ненависть имущих и неимущих. В 1918 г. эсеры и меньшевики пришли к власти при поддержке штыков чехословацкого корпуса и японцев. Сотрудничая с предпринимателями, кадетами и реакционным офицерством, они сами разрушили свою социальную опору и рухнули под натиском белогвардейцев. Политическая маниловщина правых социалистов в 1918 г. привела к реальному результату — белой диктатуре Колчака. На разных этапах гражданской войны правые социалисты в силу своей позиции играли роль временного прикрытия для противоположных политических сил. Свидетельством этого является история рождения и падения Иркутского политцентра и Дальневосточной республики, где эсеры и меньшевики продолжали метаться между «белыми» и «красными».

* А.И. Деникин видел выход из этого противоречия в политике «непредрешения, приняв колчаковскую программу узаконивания безвозмездного пользования захваченной землей до решения Народного собрания, рискуя разрывом с правыми кругами и, следовательно, осложнениями в армии. А.И. Деникин ошибался, поскольку и в Сибири самовольные пользователи земли платили арендную плату. 28 августа 1919 г. А.В. Колчак уведомил А.И. Деникина, что общее руководство земельной политикой принадлежит Омскому правительству. По этим причинам работа земельной комиссии Деникина «получила чисто академическое значение».

Теперь о «белых патриотах». Сам «демократ», «республиканец» и «патриот» А.В. Колчак был вынужден опираться на помощь Антанты, а когда его режим зашатался под ударами Красной Армии, — просить Японию, правда безуспешно, послать несколько дивизий в Сибирь, западнее Байкала. А ведь адмирал считался японофобом! Его словесные выпады против интервентов, негодование по поводу «унижения» русских не меняли дела по существу. Им, в частности, в 1919 г. продлён японо-российский договор о рыболовстве 1907 г., который был невыгоден для России и наносил нашей стране значительный экономический ущерб. Несть числа и другим договорам и соглашениям. Да и в 1921—1922 гг., т.е. в последний период гражданской войны на Дальнем Востоке, местная крупная буржуазия, антибольшевистские политики и генералитет белых армий (Г.М. Семёнов, С. и Н. Меркуловы, М.К. Дитерихс и др.) неоднократно просили японское командование не выводить войска, чтобы «спасти край от большевизма». Это до поры до времени устраивало Токио, поскольку с крахом белых режимов Япония теряла российское «прикрытие» интервенции.

Антинациональный характер Белого движения является общеизвестной исторической истиной. Правда, курс на национальную измену взяли ещё правосоциалистические силы весной 1918 г., а также казацки атаманы Г.М. Семёнов и И.П. Калмыков³².

Иностранные союзники Белого движения оказывали помощь антибольшевистским режимам только за русское золото и зачастую при 100-процентной предоплате поставок оружия и в прямой зависимости от успехов белых армий, и как только выяснилась бесперспективность военной борьбы «белых» с «красными», союзники бросили белогвардейцев. Они также боялись заражения идеями большевизма своих солдат и офицеров. Их не устраивала «единая и неделимая» Россия. Они мечтали, как уже подчёркивалось, о том, чтобы на территории нашей страны действовало несколько слабых небольших государственных образований. Кроме грабежа российских национальных богатств, нельзя забывать и об интервенционистском терроре, который зачастую был страшнее и унижительнее для русских. Вот почему гражданская война со стороны большевиков стала ещё и войной отечественной. Многие офицеры и казаки не будучи сторонниками советской власти перешли на сторону Красной Армии, когда осознали антинациональную политику белых режимов.

Несостоятельна также мысль о демократизме Колчака в связи с его намерением созвать после гражданской войны представительное законодательное собрание, для чего, мол, и была создана Подготовительная комиссия, стоявшая на умеренных либеральных позициях³³, однако «обещать, ещё не значит жениться». Несмотря на расхожесть аргумента, стоит напомнить, что адмирал и не собирался восстанавливать Учредительное собрание 1918 г. созыва и даже хвалил большевиков за его разгон. Он также обещал перевешать тех, кто не будет повиноваться, а в удобное ему Учредительное собрание нового состава пропустить лишь «государственно-здоровые элементы». Хотелось бы также напомнить, что сами члены Подготовительной комиссии А.С. Белевского — С.П. Мокринского, по данным В.А. Кожевникова, придерживались идеи создания в России конституционной монархии. Комиссия погрязла в спорах о системе выборов, категориях избирателей. Но даже тогда политики Белого движения на юге России (т.е. у Деникина) высказывали недовольство «торпливостью» деятельности Колчака и комиссии³⁴. Кроме того, возникает вопрос: как совместить такой парламент с идеей «непредрешения»? Не проштамповали бы «государственно-здоровые элементы» установление откровенно правой военной диктатуры (вспомним рассуждения

генерала К.В. Сахарова и атамана Г.М. Семёнова о пользе фашизма для России³⁵) или реанимацию самодержавия? Кстати, в 1922 г. великий князь Николай Николаевич и Кирилл Владимирович, «претенденты» в последние дни белого промонархического режима Дитерихса в Приморье, переругались в эмиграции в борьбе за призрачный престол.

Необходимо учитывать и то, что в России отсутствовали устоявшиеся традиции парламентской демократии, а социальная психология большинства россиян, тем более военной касты базировалась на принципах (зачастую неосознанных) самодержавного правления. Белый генералитет и офицерство подмяли кадетов как политиков и оставили им второстепенную роль бессильных гражданских администраторов или прожекторов. Отсюда и бессилие либералов. Правда, и сами некоторые кадеты «шли в ногу» с генералами. Самой «яркой» фигурой являлся, конечно, В.Н. Пепеляев, который проделал путь от председателя Восточного отдела ЦК кадетской партии до директора департамента милиции колчаковского режима, товарища министра, министра внутренних дел и, наконец, премьера правительства Верховного правителя. Именно он заявил, что нужно не бояться «запачкать руки в крови» и при необходимости «самим быть палачами»³⁶.

Уже после краха колчаковского режима в марте 1921 г. правые силы собрали во Владивостоке так называемый «Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока», в работе которого участвовали представители 51 антибольшевистской группировки. В резолюциях съезда говорилось о необходимости проведения Всероссийского Учредительного собрания нового созыва, воссоздания «единой и неделимой России», формирования эффективной исполнительной и независимой судебной власти. Будущее руководство должно «...установить нормальный правопорядок, гарантировать личную безопасность, защитить общественное достоинство и имущественные интересы населения, содействовать в восстановлении хозяйственной жизни на принципах частной инициативы и частной собственности». В документах съезда была закреплена программа столыпинского аграрного переустройства. В резолюции по вопросам внешней политики делалась ставка на продолжении японской интервенции³⁷. В этой скорректированной программе уже не звучали мотивы военной диктатуры, «приглушена» была идея «непредрешения». Это была, по сути, программа создания альтернативного Дальневосточной республике буржуазного буферного образования. Тем не менее она была полна противоречий. Так, трудно совместить заявление съезда о «возврате к завоеваниям Февраля 1917 г.» с принципом непредрешения. Несоциалисты фактически признали узость своей социальной базы, сделав ставку на интервентов.

Образованный в мае 1921 г. белогвардейцами новый антикоммунистический режим после провала Хабаровского похода и поражения под Волочаевкой вошёл в полосу серьёзного политического кризиса в мае—июне 1922 г. Самым серьёзным доказательством настроений высшего белого офицерства было приглашение из Харбина ярого монархиста и мистика генерала М.К. Дитерихса и создание нового белого режима, который носил откровенно монархическо-самодержавную окраску. В грамоте Земского собора, вручённой М.К. Дитерихсу, говорилось о пламенном желании «...вернуть русскому народу свободу и собрать воедино бредущих розно в смутную годину русских людей под высокую руку Православного Царя». В ответе Дитерихса, полном религиозно-мистических и самодержавных изысков, говорилось о надежде, что русские люди «...рано или поздно одумаются, очнутся от богоборческого космополитического дурмана», что «Господь... увенчает родную землю своим избранником — Дер-

жавным Помазанником»³⁸. При закрытии Земского собора в августе 1922 г. враждовавшие ранее генералы Н.И. Савельев, Ф.А. Пучков, Г.А. Вержбицкий, В.М. Молчанов и др. поклялись прекратить распри и объединить силы для борьбы с большевизмом под лозунгом монархии. Многие из «либералов» заняли крупные посты в администрации М.К. Дитерихса. Это, как говорится, и был час истины! Лавировать и обманывать и себя, и других, когда Народно-революционная армия Дальневосточной республики, усиленная частями РККА, прижала белых к Тихому океану, больше не было необходимости. Самодержавная монархия стала последней объединительной и спасительной идеей Белого движения.

Все же и тогда существовали прожекты парламентской монархии. Так, бывший член меркуловского правительства Е.М. Адерсон считал, что будущее России — парламентская монархия, в которой государь избирается Всероссийским Учредительным собранием. Правительство должно иметь широкие полномочия, но действовать на основании изданных Народным собранием законов. Парламент не должен вмешиваться в дела государственного управления и назначения должностных лиц. Совет управляющих ведомствами (СУВ), играющий роль Совета министров, должен назначаться правительством, а его премьер утверждаться правительством по соглашению с Народным собранием. Роль третейского и конституционного суда должен играть специально для этого созданный Государственный Совет, состоящий из представителей всех ветвей власти и вооруженных сил. Данная модель государственного устройства сочетала в себе древнерусский, английский и французский образцы политических режимов³⁹.

Один из лидеров кадетов П. Милюков подчёркивал, что монархическая диктатура Дитерихса — это единственный случай эволюции правых элементов, стоявших у власти до логического конца, до которого белые в Европе дошли только в эмиграции⁴⁰.

Конечно, нынешние академические споры о политическом и социально-экономическом постбольшевистском развитии России в случае победы Белого движения в тот период были бы бесплодным занятием (история имеет дело с законченным результатом, который уже не возможно переиграть и экспериментально проверить), если бы авторы ряда монографий, статей и диссертаций не стремились отыскать в белых режимах и их лидерах носителей не удавшейся в то время альтернативы развития России на путях буржуазного либерализма. Эти заключения основаны на возможности того или иного явления в то или иное время. По этой методике можно прийти к любым желаемым выводам.

Политическая реальность 1917—1922 гг. ликвидировала остальные альтернативы, тем более, что (и об этом нельзя забывать) их носители уже потерпели сокрушительное поражение в результате Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Сегодня существует справедливая точка зрения, что либеральная альтернатива в нашей стране в начале XX в. была утопией, попытка реализации которой в гражданской войне лишь укрепила позиции большевиков. Новая большевистская система выросла из дуализма революционных потрясений и мира русских традиций (монархических, бюрократических, общинных). Тогда взяли верх носители большевистского типа модернизации России⁴¹.

Политические декларации белых режимов резко разошлись с их практической политикой и лишь подтвердили опасения большинства россиян в реанимации дореволюционных порядков. Собственный политический опыт народа, извлечённый из практики жизни России начала XX в., революций 1917 г., господства белых режимов, стал одной из основ морально-политического и военного краха оппонентов большевиков в годы

гражданской войны. Большевики же предложили народу иную альтернативу — социалистический тип модернизации страны с опорой на безрыночную экономику, социальное равенство и психологию коллективизма.

Главной задачей исторических исследований остаётся поиск истины, который бы основывался на принципах объективности, историзма и связи с общественно-политической практикой.

- ¹ Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918—1921) — урок для XXI века. М., 2003; Кожевников В.А. Государственное устройство России в планах антибольшевистской оппозиции (1917—1922). Воронеж, 2003; Мухачёв Б.И. Освещение истории революций 1917 года и гражданской войны в 3-м томе «Истории Дальнего Востока России» // К 80-летию окончания гражданской войны на Дальнем Востоке России: Материалы междунар. науч. конф. Благовещенск, 2002. С. 11; он же. 80 лет со дня окончания гражданской войны на Дальнем Востоке // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 1. С. 150, 151.
- ² Дальсовнарком 1917—1918 гг.: Сб. док. и материалов. Хабаровск, 1969. С. 31—44.
- ³ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 37.
- ⁴ Мухачёв Б.И. Новые подходы к изучению истории Белого движения // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона: (Первые Крушановские чтения, 1998). Владивосток, 2001. С. 130—134; он же. Освещение истории революций 1917 года и гражданской войны...; он же. 80 лет со дня окончания гражданской войны на Дальнем Востоке // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 1 (39). С. 151.
- ⁵ Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 23, 609.
- ⁶ Ильин И.А. Белая идея // Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Кн. I. С. 10, 13—14.
- ⁷ Зимина В.Д. Белое движение времён гражданской войны: в плену «чистой» идеи // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альманах. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 13.
- ⁸ Moltchanoff V.M. The Last White General. Berkely, 1972; Dotsenko P. The struggle for a democracy in Siberia, 1917—1920. Stanford, 1983; Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1922 гг.). М., 1967; он же. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; он же. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983; он же. «Белое дело»: Генерал Корнилов. М., 1989; он же. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982; Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918—1920 гг.) // Отеч. история. 1994. № 6 и др.
- ⁹ Немчинова Т.А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002. С. 151—152.
- ¹⁰ Манифест атамана Семёнова // «Дело не получило благословения бога»: Публицистика и мемуары белых. Хабаровск, 1992. С. 319—332; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией. Февраль 1920 — ноябрь 1922 г.: Док. и материалы. Владивосток, 1993. Ч. 1. С. 270, 273—277.
- ¹¹ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 83; Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток. 1917—1922. М., 1998. С. 257.
- ¹² Деникин А.И. Очерки русской смуты // Путь русского офицера. М., 2003. С. 360—361, 382, 421, 464.
- ¹³ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996. С. 316—317; Бортневский В.Г. Проекты создания Директории на юге России осенью 1918 — весной 1919 г. // Вестн. Санкт-Петербургского университета. 1992. Сер. 6. № 4. С. 59—60.
- ¹⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. С. 369—370.
- ¹⁵ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 4; Милюков П. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2. С. 57; Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918—1922 гг.) // Отеч. ист. 1994. № 6. С. 58—62.
- ¹⁶ Аничков В.П.. Екатеринбург—Владивосток. 1917—1922. М., 1998. С. 162, 257.
- ¹⁷ Memoirs of Red Partisan movement in the Russian Far East, 1918—1920 // The testimony of Kolchak and other Siberian materials. Stanford; London, 1935. P. 271—273.
- ¹⁸ Дневник П.В. Вологодского // Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 138—139; А. Будберг: Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 244, 263, 266, 291—292, 309).
- ¹⁹ Дневник П.В. Вологодского. С. 138—139.
- ²⁰ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. С. 170—171.
- ²¹ Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Милюков против советской России. М., 1989. С. 152.
- ²² Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. 1996. Т. 4. С. 400—401, 526; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром. М., 1982. С. 78; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. С. 232 и др.
- ²³ Там же. С. 232.
- ²⁴ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 224. Л. 200—201.
- ²⁵ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. С. 277.
- ²⁶ Деникин А. Поход на Москву. Киев, 1990. С. 54—61.

- ²⁷ Воля. Владивосток, 1920. 6 мая.
- ²⁸ Деникин А.И. Поход на Москву. С. 62—64.
- ²⁹ Протоколы Всероссийского национального центра // Отеч. история. 1997. № 6. С. 129—130.
- ³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378—382; Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Кн. 1—2. С. 51—52, 54; Плеханов Г.В. Год на родине // От первого лица: Сб. М., 1992. С. 4—53; Церетели И.Г. Кризис власти. М., 1992. С. 65—70, 75, 78—115; Чернов В.М. Предпоследние ошибки // Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945 гг.): Учеб. пособие. М., 1996. С. 95—96 и др.
- ³¹ Поляков Ю. Бич истории // Свободная мысль. 2001. № 1. С. 84.
- ³² Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией. (Февраль 1920 — ноябрь 1922 г.): Док. и материалы. Владивосток, 1993. Ч. 1—2.; Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Док. и материалы. Владивосток, 1995; Подготовка и начало интервенции (октябрь 1917 — октябрь 1918 гг.): Док. и материалы. Владивосток, 1997; Дальневосточная политика советской России (1920—1922 гг.): Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996; Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Новосибирск, 1983; Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.): Сб. науч. трудов. Владивосток, 1988; Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское бюро печати в советской России (1917—1920 гг.). М., 1990 и др.
- ³³ Мухачёв Б.И. Освещение истории революций 1917 г. и гражданской войны... С. 11—12.
- ³⁴ Кожевников В.А. Государственное устройство России в планах антибольшевистской оппозиции (1917—1922). Воронеж, 2003. С. 135, 149—150.
- ³⁵ Сахаров К.В. Белая Сибирь: (Внутренняя война 1918—1920 гг.). Мюнхен, 1923; Атаман Семёнов. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Харбин, 1938.
- ³⁶ Михайловский Г.Н. Записки. М., 1993. Кн. 2. С. 36.
- ³⁷ Съезд представителей несоциалистических организаций Дальнего Востока: Протоколы // ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 365. Л. 216—252; Вестн. съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока. 1921. 31 марта, 5 апр.
- ³⁸ Приамурский Земский собор: Генерал Дитерихс // Русская симфония: Очерки русской историософии. СПб., 1998. С. 465—467.
- ³⁹ Земскому собору члена правительства Евгения Михайловича Адерсона доклад // ГАХК, Ф. 1058. Оп. 1. Д. 3. Л. 90—97.
- ⁴⁰ Милуков П. Россия на переломе... С. 182.
- ⁴¹ Выступление А.Н. Сахарова на круглом столе «50 лет без Сталина» // Отеч. история. 2004. № 1. С. 199, 200.

SUMMARY. Doctor of Historical Sciences, Professor Yu. Tsyarkin puts a rhetoric question “Was the White Movement a Bourgeois-Democratic Alternative to the Soviet Power?” And the article gives the answer to this question.